

3. Л.А. Романова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

РЕЧЕВОЙ АКТ ОБЕЩАНИЯ ПОЛИТИКА

Ключевые слова: перформативное высказывание, речевой акт, обещание, социальная коммуникация, политик, истинность / ложность.

L.A. Romanova

Tver State Agricultural Academy, Tver

SPEECH ACT OF POLITICIAN PROMISES

Keywords: performative utterance, speech act, promise, social communication, politician, truth / falsity.

Среди множества речевых актов, реализуемых публично политическими деятелями (актов политической дискурсии), значительное их количество принадлежит обещаниям, причисляемых в теории речевых актов к перформативным речевым актам. Например:

*– Баллотируюсь кандидатом в депутаты Законодательного собрания Тверской области – чтобы активно влиять на процесс выхода из экономического кризиса... **Обещаю создать условия** достатка в семье, **покончить** со страхом за сегодняшний и завтрашний день, за будущее детей, **обеспечить** полную безопасность проживания. Основными задачами региональной программы выхода из кризиса и переходу к устойчивому социально-экономическому развитию региона считаю повышение уровня и качества жизни населения. **Поэтому буду бороться за** создание условий, позволяющих реализовать право на труд для каждого гражданина, **покончить с** безработицей, **за** обеспеченные гарантированного объема товаров и услуг малообеспеченным слоям населения, **за** вытеснения теневой экономики и создание привлекательных условий для правовой, **за** жилищно-коммунальную реформу, **за** увеличение объемов строительства в регионе...*

Примечательно, что приведенное обращение к избирателям одного из кандидатов (орфография и стиль оригинала – Л.Р.) содержит в комплексе своего текстового объема, именуемого композитным перформативным образованием или композитным перформативным дискурсом, еще восемь обещаний, касающихся различных сторон жизнедеятельности избирателя.

Перформативность как логико-философское понятие эквивалентности слова и действия, введенное в научный обиход в недрах философского направления аналитической философии более 50 лет тому назад английским философом и логиком Дж.Л. Остином в курсах лекций, прочитанных под общим названием «Words and Deeds» и «How To Do Things With Words»,

сразу же приобрело большое значение для целого ряда гуманитарных наук – антропологии, лингвистики, логики, философии, социологии и политологии (Остин, 1986). О масштабах проявленного интереса к идеям перформативности может свидетельствовать перечень наиболее авторитетных философских учений «коммуникационного направления», которые в той или иной степени интересовались вопросами понимания языковых выражений, структурой выражений говорящего индивида (субъекта) от первого лица (*Я*-высказывания), языковыми парадоксами вроде «*Все Критяне лжецы*» или «*Я всегда лгу, я говорю правду?*», соотношением модальной и диктальной частей в рамках языковых выражений, в трактовке Ш. Балли, Э. Бенвениста.

Как известно, перформативный характер актов-обещаний, выраженных от первого лица, единственного числа, настоящего времени и действительного залога, может быть успешно реализован, если такие выражения обладают свойством истинности при следующих непреложных условиях:

а) они должны быть представлены в ассертивной (утвердительной) форме;

б) они не должны содержать в своей ассертивной целостности и в своем содержании таких компонентов, как «хорошо», «все» и модальных глаголов «долженствовать», «мочь», а также маркеров возможного следования по типу «если..., то...»;

в) их содержание должно быть единым, цельнооформленным и не должно содержать смысловых противоречий;

г) они ничего не описывают, ни о чем не сообщают и ничего не констатируют и по этой причине они ни истинны, ни ложны;

д) они представляют собой осуществление («проявление», «исполнение») или же части такого осуществления какого-либо действия, маркированного соответствующим перформативным показателем, которое не может быть описано как обыденное (обычное, простое) говорение о чем-либо.

Немаловажная роль при этом отводится условию «искренности произнесения высказывания», чтобы избежать двусмысленности в определении адресатом истинности / ложности таких языковых выражений. Опираясь на данное условие, было предложено использовать понятие «каузальной основы знания истинности» соответствующего высказывания. Для установления истинности такого рода выражений необходимо выявить, при каких условиях (состояниях дел) данное высказывание / выражение можно назвать истинным. Так, произнесенное во вторник высказывание «*Я обещаю тебе подарить книгу в этот понедельник*» нельзя считать истинным, а значит и перформативным, так как ему может быть противопоставлено выражение «*Нет, сегодня уже не понедельник, а вторник*», смысл и значение которого соответствуют возможному факту и задаются условиями (возможностями) его истинности (ср.: Романов, 1984). Поэтому, если следовать правилам определения истинности/ложности

политических актов – обещаний, то может показаться, что они не могут в полной мере соответствовать выделенным критериям перформативности, так как, исходя из определения, не влекут за собой их обязательную результативность, т.е. обязательное следование обещанию или обязательное исполнение обещанного.

(Поэтому, если следовать правилам определения истинности/ложности политических актов – обещаний, то может показаться, что они не могут в полной мере соответствовать выделенным критериям перформативности, что влечет за собой их необязательную результативность, т.е. следование своим обещаниям).

Тем не менее, использование политических актов-обещаний является широко распространенной практикой в политической жизни общества, что, в принципе, не вызывает особых возражений, протестов и опровержений со стороны политических оппонентов ни в момент проведения публичных политических кампаний, ни после объявления результатов электорального выбора, сводя, казалось бы, к прагматическому нивелированию предложенной Дж.Л. Остином контрастности отношений между перформативами и констативами, т.е. к заведомо невыполнимой роли политических актов-обещаний.

Однако, опираясь на анализ предвыборных обещаний политиков, делать такой вывод представляется преждевременным. И, вероятнее всего, дело здесь не в том, что избиратель как адресат «обманываться рад» и не придает перформативного значения семантическим и функциональным свойствам политических обещаний. А дело в том, что необходимо в первую очередь попытаться определить важность и востребованность данных политических актов в политической коммуникации как семиологических и лингвокультурных аспектов перформативного дискурса политика и составляющих его практик в условиях развития социальной коммуникации эпохи постмодерна (постмодернизма) последних десятилетий 20-го и начала 21 веков.

Практическая и неотложная необходимость осуществления этого шага заключается в том, что появившийся как феномен западной культуры в начале 80-х годов XX века постмодернизм в его социокультурных «следах» – постмодернистских практиках, объединенных в дискурсы, становится в настоящее время характеристикой определенного менталитета, способом мировосприятия и оценкой познавательных возможностей человека на самых разных уровнях его репрезентации познания мира, ориентации в нем и жизнедеятельности в целом. Оказалось, что выявленные в рамках логико-философского подхода перформативные свойства высказываний как системообразующих единиц соответствующих речевых практик (перформативных речевых действий / *performative utterances* / *performative Handlungen*), а также условия реализации их *исполнения* или *перформации* (*performance*) нашли свое преломление в определенных культурных пространствах социального взаимодействия. Особенно это коснулось тех сфер культурных контекстов постиндустриального общества, в которых

терминологическая близость понятий *перформативности* (англ.: performative / нем.: Performativität) и *перформации* (англ.: performance / нем.: Performanz) не требует их строгого и четкого различия, ограничиваясь лишь общими чертами сходства или даже обнаруживая смешение этих понятий.

Как показывает анализ работ, посвященных описанию феномена перформативной дискурсии в культурологических и социальных сферах, все отчетливое наблюдается не только смешение понятий перформативности и перформанса, но так же замена и / или даже подмена одного термина другим (ср., например, бытование термина «перформанса» в театральной среде и в сфере шоу-бизнеса), что является характерной чертой в гуманитарных исследованиях феномена перформативности в рамках различных научных школ, направлений и парадигм последних десятилетий XX и начала XXI веков. В указанный период сменяемости научных парадигм – отметим лишь наиболее значимые для нашего объекта исследования парадигмы постструктурализма, социального конструкционизма и постмодернизма – получила широкое распространение в искусстве, медиэвистике, социологии, литературоведении и политологии тенденция опираться в исследованиях конкретных проблем на понятие перформативности, осуществляя попытку связать воедино разноплановые подходы к проблеме социальной действительности, в которой находится или которую, по мнению представителей социального конструкционизма создает говорящий субъект или когнитивный агент.

В последнее время в современной гуманитаристике, в частности, в лингвистике, медиэвистике, политологии, филологии, социологии, психологии, этнографии, театроведении явление перформативности рассматривается, чаще всего, как *формально деятельностное проявление речевых / дискурсивных практик* в виде исполнительской реализации определенных, реализуемых по сценарию интеракций, именуемых чаще всего в научном гуманитарном дискурсе *перформансом*, отражающем специфическую *форму разрыва* с классической нормативной философской методологией и одновременно *определенный способ выхода* за традиционные дисциплинарные границы «сциентистской» или «когнитивистской» научной парадигмы. В этом контексте отчетливо проявляются попытки отражения определенных тенденций и перспектив развития понятия перформативности в описании социальной действительности, приобретая все большее значение для культурологических, политологических и социальных дисциплин, о чем, кстати сказать, свидетельствуют многочисленные международные проекты и конференции, центральной темой которых является перформативность, например: «Перформативность в свете пересечения культурологических и социальных исследований», «Перформативность и материальность: событие и повтор», «Перформативность коммуникации», «Ритуал: перформативность и идентичность», «Социальное как ритуал: мимезис, перформативность, практика», «Перформативность и гендер», «Перформативность и медиальность», «Перформативность в политической сфере» и др.

Становится очевидным, что широта трактовок перформативности приводит к размытости и трансформированию его базовых конститутивных признаков, сводя их функционально-содержательную направленность и коммуникативную специфику к обыкновённому *перформансу как привычному* (шаблонному, регулярно повторяющемуся, ритуальному) *исполнению действий*. Конкретные причины такого нечеткого разделения перформативности и перформанса, приведшие к терминологическому смешению названных понятий *перформативности* и *перформанса* (а также понятия *перфóрманса* как специфического явления в театральной сфере и в сфере эстрадных представлений, в шоу-показах и политических массовых мероприятиях, поставленных, осуществленных и реализованных / реализуемых по законам режиссуры), имеют свою историческую первооснову и кроются в высказываниях самого Дж. Л. Остин (автора разграничения высказываний на перформативы и констативы), который, по мнению авторитетного представителя постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара (1998, с. 30), в своих размышлениях о перформативности уже сам отмечал близость этих понятий, подчеркивая, например, что *перформанс* (performance) и *перформативность* (performativité), «системы очень схожи в ставшем традиционным смысле измеряемой эффективности отношения input/output, где перформативный осуществляет оптимум перформанса».

Другой не менее значимой причиной следует признать широкую многозначность самого понятия «*перформация*», которое, по мнению Уве Вирта, среди представителей постструктурализма – философов языка, лингвистов, театроведов, этнологов, аналитиков медийного пространства, политологов и литературоведов – приобрело особую конъюнктурность и устойчивый спрос после полемической дискуссии между Дж. Р. Серлем и Ж. Дерридой (Wirth, 2002: 2-5). В этом контексте *перформация* (*перформансность*), по Вирту (2002: 1), рассматривается уже как *намеренное исполнение (ernsthafte Ausführen) речевых актов любого порядка* в виде воплощения инсценированной (инсценирующей) реализации театральных или ритуальных (повторяющихся или итеративных, в терминологии Ж. Деррида) действий, материализации посланий в «актах письма» (Akt des Schreibens) или конституировании впечатлений в «актах чтения» (Akt des Lesens), «преобразующихся (превращающихся) одновременно в разряд социальных фактов» (Романова, 2008; 2008а).

С указанных позиций, чтение как акт и как процесс знакового использования (потребления) уже утрачивает в глазах представителей постструктурализма, свой статус пассивного потребления продукта (т. е. произведения) и становится (превращается в акт) *перформацией, актом деятельности*. Постструктуралисты, как отмечает М. Саруп, весьма критичны по отношению к идее единства стабильного знака (концепция Ф. де Соссюра). Поскольку представители этой философской парадигмы поддерживают идею сдвига от означаемого к означающему в структуре языкового знака, постольку постоянно возникает проблема окольной дороги по пути к истине, которая утратила какой-либо статус определенности и

конечности, т.е. базовый принцип остиновского феномена перформативности как результативности диады «слово-дело». Скорее всего, по этой причине «постструктуралисты сделали предметом своей критики декартовскую «классическую концепцию» целостного субъекта – субъекта / автора как источника сознания, как авторитета для смысла и истины. Утверждается, что человеческий субъект не обладает целостным сознанием, а структурирован как язык. Короче говоря, постструктурализм означает критику метафизики, концепций каузальности, идентичности, субъекта и истины» (Sarup, 1988: 4).

И хотя за подобной позицией стоит «критика человеческого субъекта», «критика историзма», «критика смысла» и «критика философии», очевидно, что фактически провозглашается радикализация и углубление критического пафоса структурализма. В частности, если структурализм, по мнению М. Сарупа, видит истину «за» текстом или «внутри» него, то постструктурализм и постмодернизм подчеркивают взаимодействие читателя и текста, порождающее своеобразную силу «продуктивности смысла» (тезис, наиболее основательно разработанный в трудах Ю. Кристевой).

Очевидно, что, предложив разграничивать *двуединую сущность* говорения и его (говорения) результативность *в виде перформативности и перформанса*, Дж. Л. Остин, как представляется, стремился, скорее всего, подчеркнуть возможность отдельного бытования *акта говорения как действия (перформанс)* и *акта непосредственной результативности («эффективности») такого говорения* в осуществлении посткоммуникативного (*output*) действия (последствия, перлокутивного эффекта или перлокутивного акта в его теории речевого акта) при помощи реализованного (осуществленного) говорения, т.е. самого действия (*input*) и его последствия (*output*), указывая на их расхождение (см. компоненты *in* и *out*) и неразрывное единство (см. общий компонент *put*).

В этом плане, если придерживаться критических положений относительно феномена перформативности, то близкое ему понятие перформанса увязывается с понятием акта говорения, актом обозначения языкового употребления и знаниями об актуальном употреблении языка в конкретных ситуациях («жизненных контекстах / сценариях»), процессуальным актом исполнения речения (речи). Функционально такое речевое исполнение рассматривается как акт символического обозначения процессуальности исполнения (исполненного в говорении) действия. Последнее, если судить по исследованиям перформансных речевых актов (или перформансных перформативов в нашей терминологии) в культурологической сфере жизнедеятельности социума, послужило основой для широкого использования их в культурологическом контексте инсценирования, демонстраций и презентаций в различных театральных постановках, шоу-представлениях и публичных политических акциях, знаменуя собой появление в культурной сфере социума («Kulturwissenschaften» – культурологи и культуроведении) «перформативного поворота» (*performative turn, performative Wende*) в

сторону сценарного (заранее поставленного и отрежиссированного) исполнения различного рода действий, в том числе и речевых.

Перформативно-перформансный поворот в жизненных контекстах культурной сферы социума и его политической жизни вносит существенные коррективы в исследование феномена деятельностной (в более узком трактовании этого термина, т.е. перформативной) парадигмы языка, в которой пристальное внимание уже уделяется не столько функциональной специфике языка и его единиц (текста, дискурса, речевого акта) в институциональной сфере, сколько анализу речевых актов в большей степени как речевых произведений возможной (абстрактной) реализации деятельности (действий) ее (их) носителей или акторов (режиссеров, актеров, исполнителей, политиков и публичных персон общества и других деятелей) как «культурной перформации» или «культурного перформанса». К разряду речевых актов культурной перформации относятся всевозможные ритуалы и ритуальные представления, театральные постановки и инсценировки, критические выступления, политические ристалища и выступления партийных лидеров любого формата, общественные слушания, запросы, публичные дискуссии, способные породить общественный резонанс и общественную идентичность и отражать их результирующий эффект в культурной жизни членов социума (Романов, Романова, 2002). И тогда с этих позиций политические акты обещания, не вписанные в институционализированную форму социальной коммуникации (клятвы президента, заявления-обещания министра и т.п.), являются обыденным элементом языковой игры и становятся перформансным перформативом в виде композита (соединения) актов «политических перформативов» и актов «театральной перформации», что позволяет при их реализации не придерживаться условий истинности / ложности.

Литература

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодернизма. – СПб.: Кролик, 1998. – 286 с.
2. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
3. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. И.П. Сусов. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984. – С. 86-92.
4. Романов А.А., Романова Л.А. Роль слухов как формы резонансной информации в формировании имиджа политика // ВІСНИК ЕВРОПЕЙСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ. Щоквартальний академічний журнал. – 2002. – № 2 (2). – Київ. – С.101-115.
5. Романова Л.А. Категориальный статус перформативности в современном гуманитарном дискурсе // Наукові записки Луганського національного університету. Вип.7. Т.3. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук.

праць Луганськ. нац. ун-т ім Тараса Шевченка. – Луганськ: Альма-матер, 2008. – С. 138-143.

6. Романова Л.А. О трактовке перформативности и перформанса в социальной коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике. Материалы межвузовск. научно-практической конференции 4-5 апреля 2008 г. – Тверь: ТвГУ, 2008а. – С. 336-340.

7. Sarup M. An introductory guide to post-structuralism and postmodernism. – N. Y.; Academic Press, 1988. – VIII. – 171 p.

8. Wirth U. Der Performanzbegriff im Spannungsfeld von Illokutionen, Iteration und Indexikalität // Wirth U. (Hrsg.) Performanz. Zwischen Sprachphilosophie und Kulturwissenschaften. – Frankfurt a.M.: Fink, 2002. – S. 1-29.

References

1. Lyotard J.-F. Condition of postmodernism. – St. Petersburg.: Rabbit, 1998. – 286 p.

2. Austin J. L. Word as an action // New in foreign linguistics. Vol. 17. Theory of speech acts. – Moscow: Progress Publishers, 1986. – p. 22-129.

3. Romanov A.A. Pragmatic Features of performative utterances // Pragmatics and semantics of syntactic units. Collection of scientific papers/ Ed. Ed. prof. I.P. Susov. – Kalinin: Kalinin State University, 1984. – p. 86-92.

4. Romanov A.A., Romanova L.A. Role of rumors as a form of resonance information in shaping of the politics image // European University Bulletin. Quarterly academic journal. – 2002. – № 2 (2). – Kiev. – p.101-115.

5. Romanova L.A. Categorical status of performativity in contemporary humanitarian discourse // Scientific Notes of the Luhansk National University. Issue 7, Vol. 3. Series "Philological sciences": Collection of scientific papers of the Luhansk Taras Shevchenko National University. – Luhansk: Alma mater, 2008. – p. 138-143.

6. Romanova L.A. About the interpretation of performativity and performance in social communication // Linguistic discourse in social practice. Materials of Inter-University Scientific Conference 4-5 April 2008 – Tver: Tver State University, 2008а. – p. 336-340.

7. Sarup M. An introductory guide to post-structuralism and postmodernism. – N. Y.; Academic Press, 1988. – VIII. – 171 p.

8. Wirth U. The performance concept in the field of tension between illocutions, iteration and indexicality // Wirth U. (ed.) Performance. Between philosophy of language and cultural studies. – Frankfurt am Main: Fink, 2002.. – p. 1-29.

(0,4 п.л.)